

Нарбут Н. П., Троцук И. В.

МИРОВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ: ПАТРИОТИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ

Нарбут Николай Петрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов.

Россия, Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д.10/2.

E-mail: narbut.n@mail.ru

Тел.: +7 (962) 947 16 07

Троцук Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов. Россия, Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2.

E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Тел.: +7 (916) 130 91 46

Аннотация. Как показывают социологические исследования последних лет, в российском обществе наметились две разновекторные тенденции: с одной стороны, всё большее вмешательство государства в частную жизнь граждан, с другой стороны – очевидное «разгосударствление», сокращение государством своего присутствия и регулирующего воздействия в социально значимых областях жизни (при сохранении и даже нагнетании «ура-патриотической» риторики), ответом на что стало участие граждан в различных неполитических волонтерских акциях и в деятельности организаций, призванное компенсировать безразличие и бездействие государственного аппарата. Отмечая, что в российском обществе сложились устойчивые стратегии взаимодействия различных групп с властными структурами, несмотря на общую политическую индифферентность населения, достигающую в молодёжном сегменте почти политической апатии, авторы обращаются к результатам общенациональных и реализованных в Российском университете дружбы народов опросов, чтобы рассмотреть два тесно взаимосвязанных «измерения» российского общественного мнения в заданном тематическом контексте. Во-первых, патриотический настрой – совокупность устойчивых когнитивных, аффективных и поведенческих ценностных ориентаций. Во-вторых, компоненты социального самочувствия (надежды и страхи), связанные, прежде всего, с оценками макросоциального контекста жизни в стране. Авторы отмечают, что оба «измерения» предельно сложны для эмпирической фиксации в силу множественности вариантов своей концептуализации и чрезмерной коннотированности, что не отменяет, а подчёркивает необходимость их социологического изучения.

Ключевые слова: патриотизм, общественное сознание, ценностные ориентации, молодёжь.

В последние годы в российской научной и публицистической литературе прямолинейно или завуалировано постулируется всё более отчетливое формирование достаточно разновекторных тенденций. С одной стороны – всё большее вмешательство государства в частную жизнь граждан под лозунгами борьбы за

моральное здоровье нации, благополучие молодых поколений, традиционные семейные и религиозные ценности и т. д., с другой – внятное «разгосударствление», под которым понимается как существенное сокращение государством своего присутствия и регулирующего воздействия в целом ряде отраслей, прежде выступавших приоритетными сферами государственной поддержки, так и участие граждан в различных волонтерских акциях и структурах, призванных компенсировать безразличие государственного нормативного и чиновничьего аппарата к судьбам отдельных людей и целых поселений. По сути, речь идёт о своеобразном «уходе в частную сферу» и самоорганизации локальных сообществ в связи с тем, что российское государство предпочитает мыслить всё более масштабными категориями (укрупнение школ, муниципальных образований и более значимых территориальных и административных объектов) и которому не интересна судьба «маленького человека», нетипичных социальных групп и неформатных населённых пунктов. Они, в свою очередь, отвечают ему взаимностью и противоположной тенденцией в данном случае выступает резкая, в том числе и политическая, активизация отдельных групп общества и жителей целых населённых пунктов, которые требуют выполнения их официальных обязательств, и, следует признать, нередко добиваются этого от государства. Иными словами, в российском обществе сегодня сложились, пусть и в различной степени, достаточно устойчивые и востребованные противоположные стратегии социального взаимодействия различных групп с властными структурами. Вместе с тем, проявление наиболее активных их форматов носит скорее волнообразный характер на фоне общей политической индифферентности населения в ситуации нарастания тенденций консолидации общественного мнения, которая в молодёжном его сегменте обретает формы фактически политической апатии.

Утверждения о политическом безразличии российского населения небезосновательны. Как показывают результаты социологических опросов, с 2010 года доля россиян, откровенно признающих, что они совершенно не разбираются в политике, составляет около 50% с незначительными колебаниями в сторону уменьшения или увеличения, тогда как процент тех, на кого политика нагоняет тоску, с 2010 года вырос с 47% опрошенных до 59% [Политика нагоняет..., 2013]. Причины подобного положения вполне предсказуемы: примерно 80% россиян убеждены, что «политики заинтересованы только в том, чтобы получить или удержать власть, а не в том, чего действительно хотят избиратели» (данная формулировка приводится в инструментарии опроса – респондентам предлагается выразить степень согласия или несогласия с ним).

Безусловно, названные выше процессы не имеют ничего общего с теми стратегиями «разгосударствления», о которых неоднократно писал Дж. Скотт [см., напр.: Скотт, 2012; Scott, 2009], говоря об ином пространственно-временном локусе — о стремлении людей выйти из-под влияния государства посредством реального географического перемещения на территории, недоступные (в силу сложных рельефных и/или природно-климатических условий) для государственного контроля, а затем целенаправленного поддержания своего безгосударственного состояния с помощью различных тактик: отказа от оседлого образа жизни, урбанизации, единой этнической идентичности, формального руководства, письменной культуры и т. д. Конечно, причины бегства населения в прошлые эпохи на территории, которые оказываются в центре внимания Скотта («осколочная», «буферная» межгосударственная зона, географически труднодоступный гористый регион размером с Европу, в который входят территориальные лоскуты семи азиатских стран — от провинции Сычуань до северо-восточных рубежей Камбоджи), были совершенно иными — не безразличие государства, а его ненасытная потребность в человеческом материале (люди были необходимы как рабочая сила, налоговый ресурс, военная защита и т. д.).

Впрочем, и сегодня российское государство прилагает (по крайней мере, озвучивает таковые намерения) титанические усилия по «удержанию» граждан во всех смыслах этого слова. Прежде всего, в политическом дискурсе постоянно артикулируются проблемы демографического спада и миграционного оттока (в частности, в средствах массовой информации в экспертных оценках факта недавнего «возврата» Крыма в состав Российской Федерации нередко подчёркивался и компонент демографического приращения населения страны на несколько миллионов человек). В последние годы стабильная цифра в 20–22% россиян выражает желание уехать из России, причём в 2013 году 45% из них составили студенты. Основной мотив для отъезда — желание устроить своё будущее таким, какое невозможно реализовать в России. Впрочем, мало меняется со временем и доля тех, кто предпринимает какие-то реальные действия, чтобы уехать — примерно 1% [Эмиграция путинской эпохи..., 2013].

Проблемы демографически-миграционного характера решаются различными способами. Во-первых, за счёт привлечения мигрантов на экономически непривлекательные для коренного населения позиции на рынке труда посредством направления финансовых потоков в приоритетные для государства отрасли, например, науку, для предотвращения эмиграции наиболее ценных сотрудников. На сегодняшний день масштабы интеллектуальной миграции из России сопоставимы с европейскими и американскими, но проблема заключается в отсутствии обратного потока, так называемого «кругооборота мозгов», что определяет проблему «утечки мозгов» и «бегства креативного класса» [Флорида, 2007]. Во-вторых, с помощью постоянного нагнетания «ура-патриотической» риторики, которая стала наиболее очевидна по вполне объективным причинам в свете последних событий на Украине, получивших широкое освещение в рос-

сийских и зарубежных СМИ. И, наконец, в-третьих, путём разработки комплексных и широкомасштабно финансируемых государственных программ, ориентированных на целенаправленное воспитание «настоящих» российских патриотов, начиная с системы дошкольного образования.

Фактически российское руководство постулирует как одну из ключевых задач образовательной системы на всех её уровнях — необходимость «учить» патриотизму, хотя большинство федеральных и региональных программ сводит патриотическое воспитание либо к неким форматам (квази)военной подготовки, либо к попыткам сохранения и поддержания «аутентичности» национальных меньшинств, либо к воспроизводству определённой культурной автономии. При этом новая государственная идеология через усиление патриотической риторики нацелена на восполнение недоверия граждан к органам государственной власти, снижения сепаратистских настроений и сдерживания глобализационных тенденций в демографической и миграционной сферах. Первая государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2006 годы» была призвана развивать патриотическое воспитание и гражданское сознание; вторая программа, рассчитанная на 2006–2010 годы, была ориентирована на массовизацию патриотического сознания как основы духовного единства страны на основе созданных за предыдущие пять лет единых институциональных форматов патриотического воспитания молодых поколений; третья программа, принятая в 2011 году, призвана способствовать уничтожению экстремистских проявлений и политической стабилизации общества [Государственная программа..., 2005] за счёт оптимизации правовой базы патриотического воспитания и развития системы «профессиональной патриотической подготовки». Например, одним из последних шагов в данном направлении, получившим широкомасштабное медийное освещение, стало озвученное на встрече с членами Совета по межнациональным отношениям предложение В. В. Путина разработать единый учебник истории для средней школы, в котором на конкретных примерах в рамках «единой логики непрерывной российской истории» будет показано, что «судьба России созидалась единением разных народов, традиций и культур».

Как показывают результаты опросов, неоднократно реализованных за прошедшие пять лет по репрезентативной студенческой выборке Социологической лабораторией Российского университета дружбы народов, практически каждый второй студент в целом солидарен с российским правительством, поскольку уверен, что патриотизм следует целенаправленно воспитывать; мнения остальных распреде-

лились примерно поровну – каждый четвёртый убеждён, что патриотизм должен складываться стихийно, чтобы не стать принудительно навязанной псевдоценностью, каждый третий затрудняется с выбором какой-то одной модели формирования чувства патриотизма, считая, что следует сочетать стихийный и целенаправленный векторы его формирования. Однако, оценивая нынешнюю российскую ситуацию, студенты утверждают, что правительство и президент скорее больше говорят об упрочении патриотического настроения населения, чем предпринимают грамотные и действенные шаги в этом направлении.

Для того чтобы понять, насколько обоснована обозначенная выше государственная озабоченность объективными характеристиками современного российского общества в контексте задач национально-государственного строительства и укрепления позиций страны в геополитическом пространстве, следует рассмотреть два базовых «измерения» российского общественного мнения, акцентируя внимание на молодёжном его сегменте как основы будущего благополучия страны. Во-первых, патриотический настрой как совокупность устойчивых когнитивных, аффективных и поведенческих ценностных ориентаций и, во-вторых, релевантные компоненты социального самочувствия, связанные с оценками макросоциального контекста жизни в стране сегодня.

Следует сразу признать, что оба «измерения» предельно сложны для эмпирической фиксации в силу множественности вариантов концептуализации и чрезмерной коннотированности базовой терминологии, инструментария и программы социологических исследований. Например, значение слова «патриотизм», казалось бы, совершенно прозрачно, поскольку зафиксировано в многочисленных словарных статьях – это «любовь к своей стране, отчизне», соответственно, патриот – «любитель отечества, ревнитель о благе его» [Даль, 1978: 24], но, при этом, допускает самые противоречивые трактовки в контексте конкретной политической ситуации и идеологических воззрений использующих его авторов. Многие российские общественные деятели, писатели и поэты высказывали и высказывают своё отношение к патриотизму. Впрочем, тематические акценты и оценки обычно смещаются либо в сторону так называемого «национального вопроса», либо в условную геополитическую плоскость, внутри которых и велись ожесточённые споры между адептами тех или иных содержательных, функциональных или оценочных интерпретаций патриотизма.

В советский период понятие патриотизма имело внятную надэтническую трактовку и ассоциативный ряд, но с начала 1990-х годов оно обрело негативные коннотации и в первую очередь вследствие того, что прежде практически идентичные понятия родины и государства оказались чётко разведены. Если первое вызывало у россиян тёплые эмоции, гордость за свой язык, историю, науку и культуру, ассоциировалось с природой родной страны, то второе шло в прочной «сцепке» с бюрократическим чиновничьим аппаратом, манипулирующим понятием патриотизма. Всё это делалось для того, чтобы «заставить» россиян воспринимать государство как родину, а потому не уклоняться от службы в армии

и уплаты налогов государственной машине, которая в постсоветский период стала предъявлять гражданам массу требований, не предоставляя взамен прежних социальных гарантий и упрекая население в иждивенчестве и приверженности утратившим своё значение в новой рыночной экономике патерналистским ценностям.

Как показывают опросы общественного мнения, государство и население в данном вопросе оценивают друг друга не вполне адекватно. Так, несмотря на то, что более 70% россиян к 2013 году признавали факт изменений, пусть и в разной степени — полностью, во многом, мало — по сравнению с людьми советской эпохи, 14% респондентов полагают, что россияне и сегодня в основном сохранили черты советских людей. Что касается базовых векторов фиксируемых респондентами изменений, то, в первую очередь, они считают, что нынешние жители России стали более расчётливыми и холодными (58%), на втором месте по частоте упоминаний — большая нетерпимость друг к другу (35%), большая бедность (30%) и одновременно свобода (29%), за которыми следуют одновременно больше знаний о мире (26%) и меньше надежд на лучшую жизнь (24%) в ситуации большей зависимости от власти и начальства, чем прежде (22%) и т. д. [Как изменились люди..., 2013].

Аналогично выглядит в оценках общественного мнения трансформация нынешних властных структур — примерно 65% россиян уверены, что таковые изменились по сравнению с советским периодом (признавали факт изменений, пусть и в разной степени — полностью, во многом, мало), 22% респондентов полагают, что власть в нынешней России сохранила черты прежней советской власти. В качестве базовых отличий между ними называют, в первую очередь, отказ от заботы о простых людях и преследование только своих интересов (50%) и неспособность справиться с проблемами в стране (43%). Второй блок ответов формируют условные геополитические оценки: с одной стороны, позитивные — каждый четвёртый опрошенный признаёт, что нынешняя российская власть установила равноправные, партнёрские отношения со странами Запада, каждый пятый убеждён, что она много сделала для того, что Россию сегодня уважают в мире, однако ровно столько же респондентов полагают, что власть не может сделать так, чтобы Россию уважали во всём мире.

Тем не менее, с начала 2000-х годов опросы общественного мнения фиксируют устойчивый рост числа респондентов, считающих себя патриотами, — данный показатель стабилизировался к середине 2000-х гг., а к 2010 году достиг 84%, хотя основную массу считающих себя таковыми составляют жители двух крупнейших российских мегаполисов (Москвы и Санкт-Петербурга) и пожилые люди (88%) [Новый русский патриотизм..., 2010]. Проведённое авторами исследование московского студенчества

конца 2011 – начала 2012 года по репрезентативной по профилям обучения выборке показало, что практически каждый второй респондент считает себя патриотом, а трудности с однозначной самоидентификацией в терминах патриотизма испытывает каждый третий, ссылаясь на невозможность столь однозначного самоопределения или же утрату данным термином своего значения в глобализирующемся мире. Впрочем, независимо от самооценки в терминах патриотизма, московские студенты гордятся историческим прошлым страны, её природными богатствами, культурным наследием и спортивными достижениями. Следует отметить, что данный набор «предметов гордости» явно свидетельствует о чётком разведении в сознании молодёжи понятий родины и государства: общие для большинства студентов показатели антигордости (приближаются к 90%) связаны с деятельностью государственных институций, состоянием экономики и социальной сферы, соблюдением прав и свобод человека, деятельностью государственных органов в целом и уровня жизни населения. Данные показатели определяют, *во-первых*, низкий уровень доверия базовым социальным институтам общества; *во-вторых*, достаточно пессимистические оценки положения своего поколения в свете его ключевых проблем (наркомания, алкоголизм, морально-нравственная деградация общества, преступность, безработица и её последствия); *в-третьих*, одновременно некую космополитичность молодёжного самосознания (понятие, которое вызывает у студентов наиболее тёплые чувства, – «моя страна (Россия)» – 29%, «весь мир» – 19%, «мой край, республика, область» – 12% и Евразия – 9%) и важную роль в нём понятия «малой родины», которое по сути, включает в себя прочие ответы на вопрос «Для Вас Родина – это, прежде всего», помимо России в целом (46%), – «семья и близкие» (23%), населённый пункт, в котором родились (16%), область или край, в котором живут (12%).

Доминирование трактовки патриотизма именно как любви к родине подтверждается и уверенностью респондентов в том, что рост патриотизма в обществе происходит в периоды войн, революций и радикальных политических потрясений (74%), но не в ситуации крайнего обострения социальных противоречий (23%), а потому самым патриотичным государственным праздником считают День Победы (85%). Однако даже столь консолидированные оценки не спасают от свойственной современным социокультурным реалиям и российскому массовому сознанию противоречивости: на фоне приведённых выше распределений ответов, свидетельствующих о чётком разведении понятий родины и государства, при ответе студентов на открытый вопрос «Кого Вы лично могли бы назвать “настоящим патриотом” России в современном обществе и в российской истории?» лидером среди современников оказалась «государственник» В. В. Путин (11%), а среди исторических деятелей – «государственник» Пётр Первый (13%). Причём, выбирая окончания для высказывания «Настоящий патриот своей страны – это человек, который...», студенты отдали явное предпочтение одновременно «презентационным» и опять же явным государственным компонентам «настоящего патриотизма». С их точки зрения настоящий патриот – тот, кто «чит историю и традиции своего народа» (72%), «выполняет свой воинский долг в рядах вооружённых сил» (31%), «стремится наиболее позитивно представлять свою родину

в любых высказываниях», «нетерпим к любым проявлениям неуважения к своей стране и её гражданам» (36%), хотя «настоящий патриот» своей страны вряд ли может занимать по отношению к ней слепо-некритическую и огульно-апологетическую позицию.

В то же время большинство студентов (78%) убеждены, что Россия – страна с огромным потенциалом, которая не должна зависеть от США и Запада (62%) и все её проблемы проистекают от некомпетентности ряда руководителей, их эгоистических интересов (62%) и отсутствия «нормальных» законов (70%), поэтому через 10–15 лет они видят Россию среднеразвитым государством (58%). Подобное распределение ответов в значительной степени обусловлено тем, как студенты оценивают ситуацию в стране: две трети опрошенных убеждены в наличии угроз социальных волнений и беспорядков (73%), каждый второй опасается массовой безработицы (51%), экологической катастрофы (53%), провала экономической политики (58%), развала науки и образования (53%), утраты национальной культуры (50%), ещё чаще (66%) – религиозных конфликтов. Тем не менее, большинство из них уверено, что стране не угрожает распад (78%) или военная диктатура (83%). Иными словами, российская студенческая молодёжь связывает «проблемы» российского общества с состоянием его управленческого аппарата, который вряд ли способен обеспечить стране стратегически приоритетные позиции в геополитическом контексте, однако и мысли не допускает о возможной десоверинизации страны, её распаде или радикальной смене политического режима, который угрожал бы её целостности. Вероятно, этим объясняется и весьма позитивный настрой студенчества: примерно каждый второй смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом или же без особого беспокойства, надежд и иллюзий (порядка 40%). 27% россиян в июле 2013 года полагали, что скорее всего через пятьдесят лет в России «техника, наука, вооружение будут похожи на западные, но жизнь людей будет строиться совсем иначе», 15% – что «Россия станет такой же богатой и развитой страной, как страны Запада», 11% – что страна «будет развиваться наподобие великих стран Азии – Китая и Индии», и лишь каждый десятый (9%) опасался, что «Россию ждет неминуемые распад и гибель». При этом примерно треть опрошенных затруднилась однозначно высказаться по этому вопросу, что типично для подобных опросов общественного мнения по неоднозначной проблематике [Россия-2063, 2013].

Второе базовое «измерение» российского общественного мнения в интересующем контексте – компоненты социального самочувствия, связанные, прежде всего, с оценками макросоциального контекста жизни в стране сегодня и оперирующие понятием страхов. Эмпирические социологические исследования по проблематике страхов фактически

исходят из утверждения У. Бека, что в современном «обществе риска» в связи с разнообразием опасностей невозможно дать рискам какое-либо унифицированное определение, поэтому их следует рассматривать как реальные и потенциальные угрозы и систему альтернатив выбора в ситуации их актуализации, так и как отражение опасностей в массовом сознании [Бек, 2000]. По его мнению, в обществе риска распространены повсеместные, постоянные, практически рутинизированные страхи, принимающие тотальный характер благодаря государственному и медийному дискурсам. Последние постоянно «обогащают» общественное мнение знаниями о репертуаре, степени опасности, масштабах распространения и уровне «нормальности» самых разнообразных рисков и страхов. Так, по данным опроса, проведённого по репрезентативной по критерию профиля обучения выборке московского студенчества в 2013 году, после просмотра информационных и аналитических сообщений СМИ практически всегда чувство тревоги возникает у каждого десятого опрошенного, и лишь каждый пятый не испытывает под воздействием медийного «шума» негативных эмоций.

«Измерительные» и «интерпретационные» контексты социологических исследований по проблематике страхов в «обществе риска» изменились по своей тональности (она практически констативна) и акцентам. Речь идёт уже не столько о детерминации различных по интенсивности и форме протекания страхов и тревог деструктивных форм поведения на микро- и макроуровне, сколько предпринимаются попытки представить репертуар страхов, доминирующих в конкретном обществе как индикатор социального самочувствия населения, оценить силу, специфику и распространённость какого-то конкретного страха (например, безработицы или смерти), сконструировать внутри-, этно- или геополитический модус массового сознания, апеллируя к страхам через понятия врагов и угроз стране/обществу. Первый и последний элементы социологических «замеров» состояния массового сознания представляют особый интерес в свете рассматриваемой проблематики.

Так, уже в 2008 году страхи, довлевшие над обществом 10–15 лет назад (распад страны, гражданская война, экономический коллапс и т. д.), утратили в России свою актуальность или остроту (терроризм, «чеченский фактор» и др.), переместившись на периферию общественного внимания [Горшков, 2009]. Массовые опросы конца 2000-х годов показывали, что чувства страха и тревоги в российском обществе не локализируются в рамках отдельных социальных групп – их испытывает (в той или иной степени) большинство россиян (около 70%) независимо от пола, возраста, дохода, профессии и т. п. Причём среди «предметов» страха доминирует жизнь и здоровье близких, а среди источников угроз – бандиты, улица, чрезвычайные происшествия, транспорт, террористы и чиновники (см. рис. 1) [Страхи россиян..., 2013]. Согласно данным опроса, проведённого по репрезентативной общероссийской выборке в мае 2013 года, больше всего¹ россияне страшатся «болезней близких и детей» (49%); на втором

¹ Приводятся только доли выбравших вариант «испытываю постоянный страх».

месте — «собственные болезни и мучения» (28%), страх «бедности, нищеты» (25%) и «мировой войны» (27%); каждый пятый сильнее всего боится смерти (21%), стихийных бедствий, возможности потери работы, произвола властей и беззакония (по 18%); ещё меньше доли опасяющихся потери сбережений и нападения преступников (по 16%), публичных унижений и оскорблений, СПИДа и возврата к массовым репрессиям (по 15%).

Рис. 1. Основные страхи россиян, 2013 г., %

Подобное распределение ответов может выступать индикатором мировоззренческих доминант россиян — очевидно, что четыре базовых страха сфокусированы в сфере ближайшего круга родных и близких (семья и здоровье выступают фундаментальными ценностями), далее следуют их частные проявления с всплесками обеспокоенности общей ситуацией в стране, факторами ухудшения которой, очевидно, выступают либо действия (ужесточение, произвол, репрессии и т. д.), либо, наоборот, бездействие (беззакония, нищета, преступность и т. д.) властей. Кроме того, за прошедшие два десятилетия менее распространён стал страх возникновения национальных конфликтов, что, возможно, связано с поли-

тической и социально-экономической стабилизацией ситуации в стране, а более весомым – страх перед болезнями, вызванный фактически отказом государства от множества прежних гарантий населению в сфере здравоохранения, несмотря на совершенно противоположные лозунги, под которыми реализуются соответствующие реформы.

Уже к 2008 году массовые опросы россиян позволили выделить три группы угроз по доле респондентов, которые испытывают в отношении них сильную тревогу и постоянный страх [Горшков, 2009]: 1) от 44 до 49% россиян опасаются военных конфликтов с ближайшими соседями (наряду с резким снижением уровня жизни); 2) от 25 до 35% – войны со странами Запада, возможности потери государственного суверенитета (наряду с гражданской войной, диктатурой и массовыми репрессиями); 3) менее 20% – внутривнутриполитических изменений внутри страны (распада России, «оранжевой революции», переворота, межэтнических конфликтов и т. д.). С начала 2000-х годов в российском обществе значительное место стали занимать опасения внешнеполитического характера. При этом нет ни одной страны или группы стран, которые бы назывались в качестве угрозы хотя бы половиной респондентов [Призрачные угрозы..., 2011]. Первые места в списке угроз россияне предсказуемо отдают США и Китаю – в первом случае настороженность обусловлена «деятельным» обострением российско-американских отношений (вооружённым и/или финансовым вмешательством США в жизнь стран, входящих в сферу российских внешнеполитических интересов), во втором – скорее своеобразным мировоззренческим шоком, вызванным относительно неожиданным появлением новой сверхдержавы на восточных границах России¹. В целом «россиянам не свойственен часто приписываемый им параноидальный страх перед внешним миром. В большинстве своём они как в 2000, так и в 2011 году либо утверждали, что нашей стране никто не угрожает, либо затруднились сказать, есть ли у неё опасные враги. Российские граждане, очевидно, мало интересуются событиями во внешнем мире, а новые угрозы и надежды для себя они находят внутри страны, а не за рубежом» [Призрачные угрозы..., 2011].

По данным ВЦИОМ на март 2012 года [Чего боятся россияне..., 2012], самой реальной угрозой для страны россиянам представляется рост цен на товары первой необходимости (81%), теракты (63%), массовая безработица, закрытие предприятий и вторая волна экономического кризиса (по 60%), всплеск преступности (59%); самыми маловероятными – хаос во власти (55%), установление диктатуры и военные конфликты с другими государствами (по 57%), возвращение «лихих девяностых» (64%) и гражданская война (66%). Безусловно, распределение ответов на подобные вопросы зависит от приводимого списка закрытий и допустимого количества выборов, тем не менее, они позволяют отследить

¹ В 2013 году каждый третий россиянин полагал, что «стремление Китая расширить своё влияние на другие страны/китайский экспансионизм» представляет очень большую угрозу безопасности России» [Установки россиян..., 2013]

базовые тренды в социальном самочувствии респондентов. Следует, однако, отметить, что эксперты выступают с критикой некоторых формулировок, в частности, когда результаты опроса показали, что заселение России мигрантами граждане считают наиболее реальной угрозой для страны: «Не уверен, что опрос отражает то, что реально людей беспокоит. Вопрос ставился: «Кажется ли вам эта угроза реальной?», а не «Какая угроза вам кажется наиболее опасной?». Это не очень удачный опрос. Если бы респондентов просили выбрать из списка угроз наиболее опасные, это было бы более корректным. Таким образом, приход к власти фашистов люди представляют себе в виде марша чего-то вроде РНЕ (Русского национального единства) на Кремль, что действительно кажется маловероятным, а тех же таджиков люди видят вокруг себя каждый день, принимают это как факт» [Мигранты..., 2013].

В таблице 1 приведено распределение страхов московской студенческой молодёжи, полученное по результатам репрезентативного по критерию профилей обучения анкетирования. Поскольку реалистичность перечисленных угроз может по-разному оцениваться респондентами, в таблице приведены распределения ответов одновременно и для ответа «очень боюсь» (высокий уровень опасений), и для суммы ответов «очень боюсь» и «немного боюсь», поскольку второй вариант может говорить не столько о незначительности опасений, сколько о неверии в реалистичность угрозы, которая, тем не менее, активно муссируется в масс-медиа. Безусловными лидерами угроз для российской молодёжи оказались террористические атаки, разгул преступности, последствия мирового экономического кризиса и коррупция и беззаконие, т. е. угрозы исключительно внутри-, а не внешнеполитического характера, сам факт наличия которых говорит о слабости государственного контроля в самых разных сферах жизни общества. Угрозы суверенитету и политической стабильности страны занимают в данном списке более скромные позиции — военные действия, гражданская война, межэтнические конфликты, революция/путч/переворот набрали от 54 до 66%, хотя данные показатели также слишком высоки, чтобы можно было говорить о спокойном социальном самочувствии молодых поколений и их уверенности в завтрашнем дне. Данное утверждение не противоречит приведённым выше данным об оптимистическом настрое молодёжи, поскольку речь идёт о постоянно артикулируемых в политическом и медийном дискурсах сюжетах, которые вряд ли воспринимаются респондентами как актуальные, но вследствие рутинизации дискурса о них оцениваются как реалистичные.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Насколько ты лично боишься?», %

Варианты ответов	Очень боюсь	Очень боюсь + немного боюсь
Террористических атак	31,9	81,4
Столкнуться с ядерной войной	27,2	60,5
Химического и радиационного заражения воды, воздуха	22,7	64,1
Столкнуться со стихийными бедствиями (землетрясение, наводнение и пр.)	22,7	66,2
Разгула преступности в стране	22,1	73,2
Столкнуться с военными действиями	21,3	65,6
Политического экстремизма (нападения фашистов, скинхедов, расистов и других националистических группировок)	19,8	66,8
Последствий мирового экономического кризиса (безработицы, падения курса рубля и пр.)	19,6	69,9
Столкнуться с массовой эпидемией	18,4	64,5
Полной утраты традиций и культуры	18,4	59,2
Столкнуться с техногенной катастрофой	15,5	58,0
Столкнуться с гражданской войной	15,5	54,1
Вытеснения мигрантами коренного населения	13,5	54,3
Столкнуться с коррупцией и беззаконием	13,3	72,1
Столкнуться с экологической катастрофой	13,1	63,5
Столкнуться с безвластием, анархией	12,5	47,5
Столкнуться с межэтническим конфликтом в жизни страны	11,7	60,5
Столкнуться с революцией/путчем/переворотом	10,8	51,4

В целом россияне не склонны опасаться внешних угроз [Мигранты..., 2013]: возможностью войны со странами Запада, юга и юго-востока обеспокоено по 11% опрошенных, военных конфликтов с ближайшими соседями и потери государственного суверенитета, в том числе в результате распада страны – по 10%. В списке подобных геополитических сценариев наиболее вероятной респондентам кажется потеря некоторых приграничных территорий, например Калининградской области и Приморья (13%). Собственно подобное распределение ответов можно объяснить достаточно «спокойным» отношением к независимости страны, которая воспринимается как само собой разумеющееся [День России..., 2013]. Так, данные репрезентативного всероссийского опроса, проведённого в мае 2013 года, показали, что каждый четвёртый респондент не может оценить роль независимости страны, каждый второй полагает, что государственный суверенитет пошел во благо России, а 22% – что скорее/определённо во вред. Пропорции между положительными и отрицательными оценками независимости зависят от возраста, образования, места проживания и уровня

доходов: у молодёжи, а также у более образованных респондентов с достатком, жителей Москвы и других крупных городов в большей мере преобладает мнение, что независимость пошла России во благо; опрошенные из старших возрастных групп с низким уровнем образования, низкими доходами и проживающие в средних и малых городах чаще придерживаются противоположного мнения, видимо, вспоминая более благоприятные для себя по всем перечисленным показателям советские времена.

Эмпирическое изучение страхов, несомненно, помогает отобразить картину социальной действительности: чем меньше уровень тревожности и поводов для неё у членов социума¹, тем больше возможностей для развития и самосовершенствования общества. Как показывают данные социологические исследований, примерно с середины 2000-х годов в российском массовом сознании сложились следующие достаточно устойчивые характеристики страхов [Горшков, 2009]:

- во-первых, чувства тревоги и опасения не являются специфической характеристикой отдельных социальных или демографических групп населения и не зависят от пола, возраста, дохода, места жительства и пр.;
- во-вторых, основными предметами заботы и опасений россиян выступают жизнь и здоровье своё и близких, а также за собственное материальное благополучие, от которого в значительной степени они зависят;
- в-третьих, основные источники страхов россиян, с одной стороны, мало отличаются от ситуации в других странах (преступность, стихийные бедствия и чрезвычайные происшествия и т. д.), с другой — имеют специфический характер (страх перед террористами и чиновниками, олицетворяющими «бездушную государственную машину», способную в своих жерновах легко раздавить любого человека);
- в-четвёртых, помимо личных тревог и страхов, россиян волнуют угрозы государству и обществу, главным образом, в связи с военными конфликтами с ближайшими соседями², в отношении возмож-

¹ Особенно у молодых поколений, для которых страхи могут стать серьёзными барьерами в социализации и самореализации, причем у молодёжи, в силу её неустойчивого и неопределённого положения в обществе могут преобладать особые виды страхов.

² Вместе с тем, следует признать, что массовый всплеск подобных опасений бывает обычно ситуативно обусловлен и, скажем, последний пик подобных страхов на уровне примерно половины опрошенных россиян фиксировался после российско-грузинского конфликта 2008 года.

ности гражданской войны в России (видимо, это следствие другого базового для российского общества страха резкого снижения уровня жизни, который усугубит и без того огромный разрыв между самыми высоко- и низкодоходными группами населения), войны со странами Запада (вероятно, вследствие расширения НАТО на восток), потери государственного суверенитета, и, наконец, наименьший уровень «внешнеполитической тревожности» фиксируется в оценке возможностей распада страны, «оранжевой революции», насильственного свержения власти и межэтнических конфликтов, которые воспринимаются россиянами как события крайне не реалистичные.

Безусловно, в свете отчётливо фиксируемого всеми социологическими службами страны роста патриотических настроений российского населения (вследствие действий руководства Российской Федерации на геополитической арене), представленные в статье эмпирические данные могли весьма существенно измениться, отражая трансформации массового сознания россиян, в том числе, в самом, казалось бы, аполитичном молодёжном его сегменте. Однако именно тем и важна сумма накопленных к 2013 году сведений о состоянии российского общественного мнения, что она позволяет «увидеть» тот контекст, на фоне которого стал возможен фиксируемый сегодня рост патриотических и даже в некоторой степени «великодержавных» настроений.

Список литературы

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 383 с.

Голенкова З. Т., Нарбут Н. П., Троцук И. В. Ценностные приоритеты студенческой молодёжи России и Китайской Народной Республики // Россия и Китай. Изменения в социальной структуре общества. М.: Новый хронограф, 2012. С. 481–503.

Горшков М. К. Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // Социологические исследования. СоцИс. 2009. № 7. С. 26–32.

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» (утв. постановлением Правительства РФ от 11.07.2005 г.) [Электронный ресурс] // Гарант. Информационно-правовой портал URL: <http://base.garant.ru/188373/#100> (дата обращения: 18.10.2014).

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» (утв. постановлением Правительства РФ от 5.10.2010 г.) [Электронный ресурс] // Гарант. Информационно-правовой портал URL: <http://base.garant.ru/199483> (дата обращения: 18.10.2014).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 3.

День России и отношение к независимости [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады URL: <http://www.levada.ru/10-06-2013/den-rossii-i-otnoshenie-k-nezavisimosti> (дата обращения: 18.10.2014).

Как изменились люди и власть за 20 лет [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады URL: <http://www.levada.ru/20-08-2013/kak-izmenilis-lyudi-i-vlast-za-20-let> (дата обращения: 18.10.2014).

Мигранты страшнее фашистов [Электронный ресурс] // Газета.ru URL: http://www.gazeta.ru/social/2013/07/22/5495905.shtml?utm_source=vk-group&utm_medium=click-news&utm_campaign=smm (дата обращения: 10.10.2014).

Новый русский патриотизм: национальный, государственнический или гражданский? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13603> (дата обращения: 18.10.2014).

Политика нагоняет на россиян тоску [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады URL: <http://www.levada.ru/15-08-2013/politika-nagonyaet-na-rossiyan-tosku> (дата обращения: 18.10.2014).

Призрачные угрозы: россиянам не свойственен параноидальный страх перед внешним миром [Электронный ресурс] // ФОМ URL: <http://fom.ru/Mir/10097> (дата обращения: 18.10.2014).

Россия-2063 [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады URL: <http://www.levada.ru/22-08-2013/rossiya-2063> (дата обращения: 18.10.2014).

Старый враг лучше новых двух: Рейтинг внешних угроз: 2000 и 2011 [Электронный ресурс] // ФОМ URL: <http://fom.ru/Mir/10096> (дата обращения: 18.10.2014).

Скотт Дж. Зомия: успешные стратегии бегства от государства / Пер. с англ. И. В. Троцук // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2012. № 4. С. 6–20.

Страхи россиян [Электронный ресурс] // Левада-Центр Аналитический центр Юрия Левады URL: <http://www.levada.ru/20-06-2013/straxi-rossiyan> (дата обращения 12.10.2014).

Страхи россиян и угрозы для страны // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2013. № 2227.

Установки россиян и угрозы стране [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады URL: <http://www.levada.ru/11-07-2013/ustanovki-rossiyan-i-ugrozy-strane> (дата обращения: 12.10.2014).

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007. – 432 с.

Чего боятся россияне? Рейтинг актуальных угроз [Электронный ресурс] // ВЦИОМ URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112598> (дата обращения: 12.10.2014).

Чего опасаются россияне? ИНАБ. 2008. № 6.

Шубкин В. Н. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. М.: МОНФ, ИС РАН, 1999.

Шувакович У. В., Троцук И. В. Патриотизм как ценность: компоненты социологического анализа (сравнительная характеристика России и Сербии) // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2013. № 3. С. 128–148.

Эмиграция путинской эпохи: от чего хотят бежать россияне? [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады URL: <http://www.levada.ru/10-06-2013/emigratsiya-putinskoi-epokhi-ot-chego-khotyat-bezhat-rossiyane> (дата обращения: 15.10.2014).

Scott J. C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven & London: Yale University Press, 2009.

Worldview of Russian Youth: Patriotic and Geopolitical Components

Narbut Nikolay Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Miklukho-Maklaya str., 10/2, 117198, Moscow, Russia. E-mail: narbut.n@mail.ru

Trotsuk Irina Vladimirovna

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Miklukho-Maklaya str., 10/2, 117198, Moscow, Russia. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Abstract. According to national surveys, Russian society is marked by a combination of two diverse trends. On the one hand, we see different forms of government intervention into the private lives of citizens. On the other hand, we observe an obvious 'de-governmentalisation', i.e., the reduction of the state's presence and regulatory impact that gives rise to the citizens' participation in various non-political voluntary actions and non-government structures to compensate for the indifference of the state. In general, there are some stable strategies of social interaction of the different groups with the authorities, although the most active manifestations of such social activities are rather rare and wavelike due to the general political indifference of the population that turns into political apathy in its youth segment. The Russian state has made efforts (or at least announced such intentions) to 'hold' citizens in all senses of the word: the political discourse constantly articulates the problem of demographic decline and migration outflows; the government directs the growing financial investments into the priority sectors such as science and education; the state uses 'jingoistic' rhetoric and develops complex large-scale educational programs aimed at growing up 'real' Russian patriots. Thus,

the article highlights two topics basic for understanding the relationships of the state and the youth in terms of patriotism and mutual expectations, referring to the results of national polls and surveys conducted on representative samples of students in the Peoples' Friendship University of Russia. The first 'dimension' of the sociological study of patriotism is 'patriotic mood' – a set of stable cognitive, affective and behavioural value orientations. The second one includes sociological evaluation of different components of the youth social well-being associated primarily with estimates of the macro-context of life in the country today. The authors admit that both 'dimensions' are difficult to measure empirically but make an attempt to show their structural and substantive features by summarising the results of the relevant sociological studies such as the 'objects' of national pride, the level of trust in the basic social institutions, and the fears and expectations of the Russian youth regarding the future, etc.

Keywords: patriotism, patriotic mood, the public consciousness, 'dimensions' of public opinion, value orientations, social well-being, fears; youth.

REFERENCES

Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. [*Risk Society. On the way to another modernity*]. M.: Progress-Traditsiya, 2000. – 383 s. (In Russ.).

Golenkova Z. T., Narbut N. P., Trotsuk I. V. Tsenostnye priorityety studencheskoi molodezhi Rossii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki. [*Value priorities of student youth of Russia and the People's Republic of China*]. J. Rossiya i Kitai. Izmeneniya v sotsial'noi strukture obshchestva. M.: Novyi khronograf, 2012. S. 481–503. (In Russ.).

Gorshkov M. K. Fobii, ugrozy, strakhi: sotsial'no-psikhologicheskoe sostoyanie rossiiskogo obshchestva. [*Phobias, threats, fears, social and psychological state of Russian society*]. J. Sotsiologicheskie issledovaniya. SotsIs. 2009. № 7. S. 26–32. (In Russ.).

Gosudarstvennaya programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiiskoi Federatsii na 2006–2010 gody». [*The state program "Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2006–2010"*]. (utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 11.07.2005 g.). [Elektronnyi resurs]. Garant. Informatsionno-pravovoi portal URL: <http://base.garant.ru/188373/#100> (data obrashcheniya: 18.10.2014). (In Russ.).

Gosudarstvennaya programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiiskoi Federatsii na 2011–2015 gody». [*The state program "Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2011–2015"*]. (utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 5.10.2010 g.). [Elektronnyi resurs]. Garant. Informatsionno-pravovoi portal URL: <http://base.garant.ru/199483> (data obrashcheniya: 18.10.2014). (In Russ.).

Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. [*Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*]. M.: Russkii yazyk, 1978. T. 3. (In Russ.).

Den' Rossii i otnoshenie k nezavisimosti. [*Day of Russia and the attitude to independence*]. [Elektronnyi resurs]. Levada-Tsentr. Analiticheskii tsentr Yuriya Levady URL: <http://www.levada.ru/10-06-2013/den-rossii-i-otnoshenie-k-nezavisimosti> (data obrashcheniya: 18.10.2014). (In Russ.).

Kak izmenilis' lyudi i vlast' za 20 let. [*As people and authorities have changed in 20 years*]. [Elektronnyi resurs]. Levada-Tsentr. Analiticheskii tsentr Yuriya Levady URL: <http://www.levada.ru/20-08-2013/kak-izmenilis-lyudi-i-vlast-za-20-let> (data obrashcheniya: 18.10.2014). (In Russ.).

Migranty strashnee fashistov. [*Migrants worse Nazis*]. [Elektronnyi resurs]. Gazeta. ru URL: http://www.gazeta.ru/social/2013/07/22/5495905.shtml?utm_source=vk-group&utm_medium=click-news&utm_campaign=smm (data obrashcheniya: 10.10.2014). (In Russ.).

Novyi russkii patriotizm: natsional'nyi, gosudarstvennicheskii ili grazhdanskii? [*New Russian patriotism: national, statist or civilian?*]. [Elektronnyi resurs]. VTSIOM URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13603> (data obrashcheniya: 18.10.2014). (In Russ.).

Politika nagonyaet na rossiyan tosku. [*Politics catches up to the Russians longing*]. [Elektronnyi resurs]. Levada-Tsentr. Analiticheskii tsentr Yuriya Levady URL: <http://www.levada.ru/15-08-2013/politika-nagonyaet-na-rossiyan-tosku> (data obrashcheniya: 18.10.2014). (In Russ.).

Prizrachnye ugrozy: rossiyanam ne svoistvenen paranoidal'nyi strakh pered vneshnim mirom. [*The Phantom Menace: Russians are not peculiar to the paranoid fear of the outside world*]. [Elektronnyi resurs]. FOM URL: <http://fom.ru/Mir/10097> (data obrashcheniya: 18.10.2014). (In Russ.).

Rossiya-2063. [*Russia-2063*]. [Elektronnyi resurs]. Levada-Tsentr. Analiticheskii tsentr Yuriya Levady URL: <http://www.levada.ru/22-08-2013/rossiya-2063> (data obrashcheniya: 18.10.2014). (In Russ.).

Staryi vrug luchshe novykh dvukh: Reiting vneshnikh ugroz: 2000 i 2011. [*Old enemy is better than two new ones: Rating external threats: 2000 and 2011*]. [Elektronnyi resurs]. FOM URL: <http://fom.ru/Mir/10096> (data obrashcheniya: 18.10.2014). (In Russ.).

Skott Dzh. Zomiya: uspeshnye strategii begstva ot gosudarstva. [*Zomia: successful strategies of escape from the state*]. / Per. s angl. I. V. Trotsuk. J. Vestnik RUDN. Seriya «Sotsiologiya». 2012. № 4. S. 6–20. (In Russ.).

Strakhi rossiyan. [*Fears of Russians*]. [Elektronnyi resurs]. Levada-Tsentr. Analiticheskii tsentr Yuriya Levady URL: <http://www.levada.ru/20-06-2013/strakhi-rossiyan> (data obrashcheniya: 12.10.2014). (In Russ.).

Strakhi rossiyan i ugrozy dlya strany. [*Fears of Russians and the threat to the country*]. J. Press-vypusk VTSIOM. 2013. № 2227. (In Russ.).

Ustanovki rossiyan i ugrozy strane. [*Position of Russians and threats the country*]. [Elektronnyi resurs]. Levada-Tsentr. Analiticheskii tsentr Yuriya Levady URL: <http://www.levada.ru/11-07-2013/ustanovki-rossiyan-i-ugrozy-strane> (data obrashcheniya: 12.10.2014). (In Russ.).

Florida R. Kreativnyi klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee. [*Creative class: the people who change the future*]. M.: Klassika-XXI, 2007. – 432 s. (In Russ.).

Chego boyatsya rossiyanе? Reiting aktual'nykh ugroz. [*What are afraid of the Russians? Rating actual threats*]. [Elektronnyi resurs]. VTSIOM URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112598> (data obrashcheniya: 12.10.2014). (In Russ.).

Chego opasayutsya rossiyanе? [*What fear the Russians?*]. M.: Institut sotsiologii RAN, 2008. – 72 s. (In Russ.).

Shubkin V. N. Katastroficheskoe soznanie v sovremennom mire v kontse XX veka (po materialam mezhdunarodnykh issledovaniy). [*Catastrophic consciousness in the modern world in the late twentieth century*]. / Pod red. V. E. Shlyapentokha, V. N. Shubkina, V. A. Yadova. M.: MONF, IS RAN, 1999. (In Russ.).

Shuvakovich U. V., Trotsuk I. V. Patriotizm kak tsennost': komponenty sotsiologicheskogo analiza (sravnitel'naya kharakteristika Rossii i Serbii). [*Patriotism as a value: the components of sociological analysis (comparative characteristic of Russia and Serbia)*]. J. Vestnik RUDN. Seriya «Sotsiologiya». 2013. № 3. S. 128–148. (In Russ.).

Emigratsiya putinskoi epokhi: ot chego khotyat bezhat' rossiyanе? [*Emigration of the Putin era: from what they want to escape the Russians?*]. [Elektronnyi resurs]. Levada-Tsentr. Analiticheskii tsentr Yuriya Levady URL: <http://www.levada.ru/10-06-2013/emigratsiya-putinskoi-epokhi-ot-chego-khotyat-bezhat-rossiyanе> (data obrashcheniya: 15.10.2014). (In Russ.).